

**Александр  
Дугин**

# РУССКОЕ РОЖДЕСТВО

*Волхвы со звездой путешествуют*

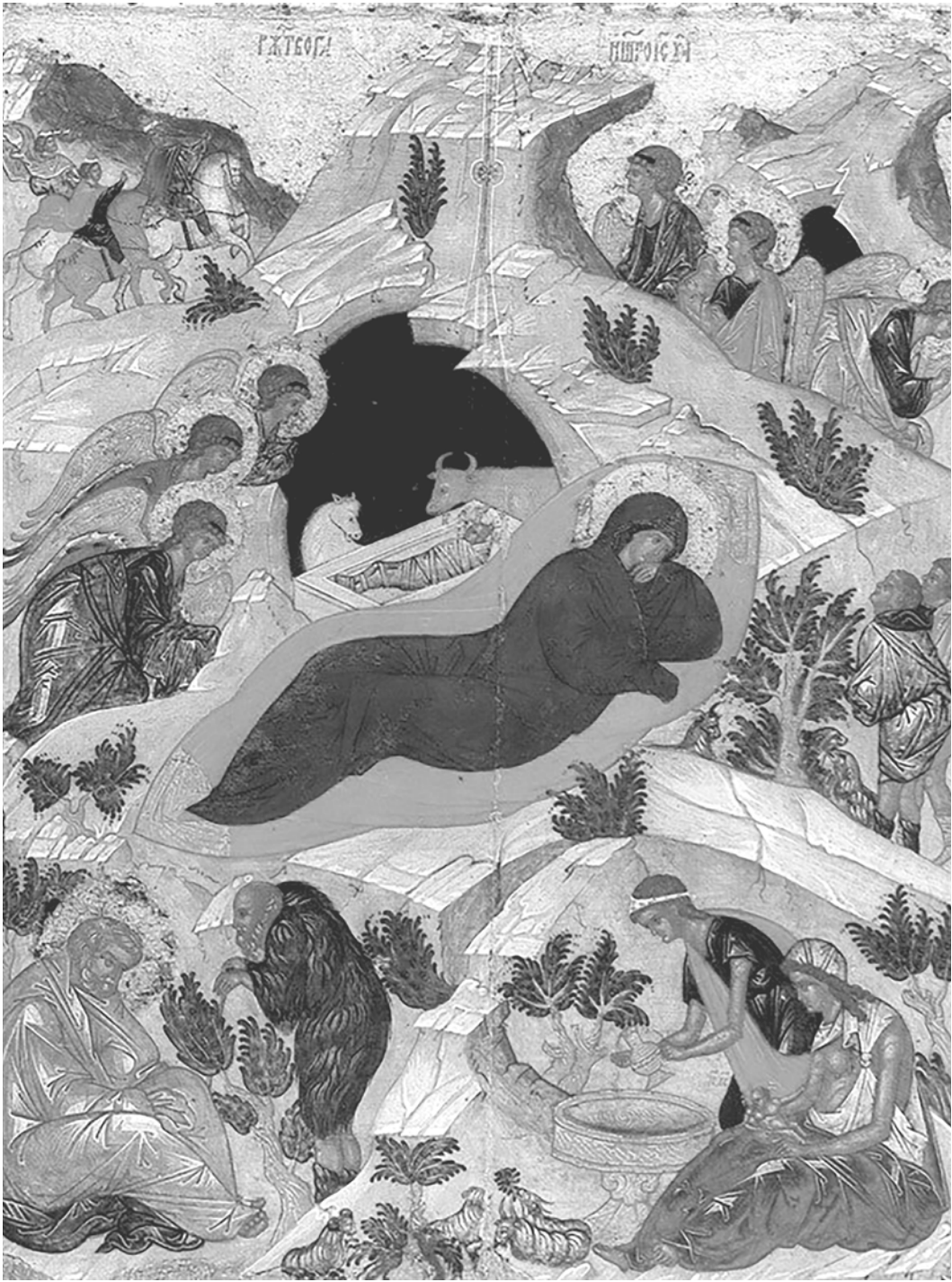
**"ДЕВАЯ ДНЕСЬ** Пресущественного раждает и земля вертеп неприкосновенному приносит. Ангели с пастырьми славословят. Волсы же со звездой путешествуют. Нас бо ради родился отроча младо — Превечный Бог".

Такой кондак поётся празднику Рождества Христова в Русской Церкви. В этом высокопраздничном празднике — как в фокусе сконцентрирован смысл всего христианского учения. А раз мы — христиане, то это суть нашей судьбы. Но мы — не просто какие-то абстрактные "христиане", живущие непонятно когда, непонятно где. Мы — христиане русские, живущие в современной нам России. Чтобы быть сознательными участниками нашей судьбы, мы должны уяснить себе — где мы живём, как мы живём и как мы относимся к моменту и месту величайшего события в истории человечества — к Рождеству Христову. Это ставит вопрос о православном понимании пространства и времени и соотношении этого понимания с нашим местом и нашим временем.

Итак, наш кондак начинается со слов "Дева-я днесь". "Дева-я" — прилагательное "девственная", сиречь Дева Мария (раньше у русских обычно в этом имени ударение ставилось на первый слог — "Мáрия", "Мария" же, с ударением на второй слог отличает Богородицу от других дев Марий). "Днесь" значит "сегодня", "в сей день", "в этот день". Что значит для нас это "днесь", "днесь Рождества Христова"? Если мы подойдём со светской позиции, то есть если мы не верим в то, чему учит Церковь и, соответственно, если мы не верим в Бога, в действительность Его бытия и Его могущества, то это "днесь" имеет историко-символическое значение, а сам праздник носит характер воспоминания. То есть "сегодня" ("днесь") 7 января 2022-го мы поминаем событие, произошедшее 2022 года назад.

Но для верующих это не так. Для верующих Бог стоит выше времени, и всё, что с Ним связано, не измеряется временной человеческой мерой. В Церкви и для верующих "днесь" приводимого кондака есть именно "сегодня", "сейчас", 7 января 2022 года. Не как метафора, но как действительность. Событие Рождества Христова происходит сейчас, "днесь". Христос рождается в этот момент и в корне меняет судьбу мира, судьбу народов, нашу с вами судьбу.

В "днесь" два времени сталкиваются между собой — бытовое время и время вечности, вечность врывается во время, изменяет его, превращает в нечто другое — в волшебный момент, меняющий все пропорции и достоверности бытия. В волшебном рождественском времени бытие взрывается молнией Божественного присутствия. Это взрывание произошло не когда-то (а мы сейчас будто об этом вспоминаем) — если мы верим, то это происходит сейчас.



Вот на что указывает "днесь".

"Дева-я днесь Пресущественного раждает". Пресущественный — Тот, Кто был тогда, когда не было сущего, Тот, Кто предшествует существованию. Время возникает вместе с существованием, как одно из его важнейших измерений. Но Пресущественный вне времени, так как предлежит существованию, и тем не менее кондак говорит нам — Пресущественный, сам Бог рождается именно "днесь", сейчас. Значит, есть такое "сейчас", такое "сегодня", которое способно вместить в себя То, что вне времени. В этом величии Благой Вести — она сообщает нам, что произошло нечто невиданное, неслыханное, невозможное, обрушивающее все философские построения, все доводы обычного здравого рассудка. С точки зрения здравого рассудка, с точки зрения "мудрости мира", это какое-то "безумие". Поэтому святой апостол Павел и говорит: "Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благогоудно было Богу безумством проповеда-ти спасти верующих" (1 Кор. 1:20–21).

Теперь для нас, конкретно для нас с вами, находящихся в этом временном моменте 7 января 2022 года, что важнее: здравый смысл, услужливо подсказывающий, что речь идёт о возвышенных аллегориях и красивых метафорах, или факт прямой, отвергающей все противоположные аргументы веры? От ответа зависит, верим ли мы в Бога, являемся ли мы христианами. Всё сводится к этому "днесь", к тому, как мы готовы Его понять, как готовы Его принять. Если мы переступаем разум, то мы

открываем во времени новое измерение — измерение Пресущественного, измерение События, Рождественское измерение.

Из отношения к этому "днесь" можно сказать о нас всё. Не только о каждом по отдельности, но о народе, о культуре, о цивилизации, о стране, обществе. Если у нас есть Рождественское измерение — мы одно. Если нет, и это формальная дань недавно заново открытой культурной условности — другое. Второе означает, что мы не христиане, что мы не православный народ и не православное общество. Первое же означает, что мы находимся в центре самого великого из чудес, затмевающего все возможные чудеса.

Тут-то мы и переходим к "земле". "Земля вертеп неприкосновенному приносит". Вертеп — пещера, то есть нора, отверстие в скале, горе, впадина. Земля расступается, освобождает в своей плотной структуре место для того, чтобы Пресущественный и Неприкосновенный смог в ней проявиться. Теперь это чудо места, пространства. Неприкосновенный Бог потому, что Он выше всех телесных форм мира, выше пространства. Но по милосердию Своему Он становится добровольно "прикосновенным", рождается на земле, в нашем мире. Для того, чтобы принять Его, земля должна дать место.

Конечно, по здравому уму это было бы место бесконечно большое, а не какая-то пещера. А по нашей вере пещера была небольшая, скромная, способная вместить лишь Богомладенца, Пречистую Матерь, Иосифа праведного, да ещё ясли, осла и быка... Для вмещения Невместимого было бы недостаточно великой бездны. Да и она Его не вместила бы, но Православие учит нас — довольно пещеры. Но вот пещера должна быть — земля должна подвинуться, должна освободить место — самое важное место в истории мира, самое главное место в пространстве.

Теперь вопрос: где эта земля, что "принесит Неприкосновенному вертеп"? Вы скажите: в Вифлееме Иудейском, нарицаемом "Дом Хлеба". Но где "Дом Хлеба"? И снова линия водораздела: для тех, для кого "днесь" означает "тогда", "давнo", "земля" означает "другая земля", "далёкая земля", "та земля". И соответственно вопрос о том, чтобы она "принесла", приготовила, освободила пещеру — это вопрос к ней. Но для по-настоящему верующих всё не так. Эта земля — наша земля, русская земля.

Если время свернулось до святой благословенной ночи Рождества Христова, до вмещения Пресущественного в "днесь", то происходit и другое чудо, другое волшебство — "земля верных", Христова земля, русская земля, наша с вами земля должна принести Неприкосновенному вертеп. То есть наша земля должна расступиться, подвинуться, постараться, чтобы освободить святое место для присутствия Господня. Это — русский

дства. И ангелы, и пастыри поют "разумный свет", превышающий всякий разум. И пастухи спешат к вертепу, чтобы подивиться чуду из чудес — рождению Бога. Кто такие ангелы? Явно не мы, но иногда русский человек чувствует траектории их стремительных полётов пронзительно и остро, стоит только отвернуться от того, что есть вокруг нас, закрыть глаза, чтобы открыть иные глаза — глаза, смотрящие в другом направлении, внутрь. Но пастухами — пастырями — можем быть и мы. В том случае, если стоим на страже тогда, когда все спят. Только те, кто не спит тогда, когда все спят, могут рассчитывать очутиться на земле в окрестностях Вифлеема в благословенную ночь, святейшую всех ночей.

И теперь, быть может, самое важное. "Волсы же со звездой путешествуют". Кто такие эти волхвы? Это — персидские маги. Но маги со своими дарами — золотом, ладаном, мирой — часть волшебного места и волшебного времени. А значит, "персидские" они только в том случае, если Рождество для нас — воспоминание о бышем, а не настоящее Событие. Тут важно, что речь идёт о русском слове "волхвы". Персы не знали Писания, не были под законом. Но они первыми пришли поклониться Богочеловеку в Его воплощении. Не иудеи, а персы. Не те, кто в законе, а те, кто вне закона. Они приходят в Вифлеем издалека, извне.

В самой же Иудее властитель Ирод, напротив, далеко не рад Рождению Спасителя и готовится к тому, чтобы вырезать всех первенцев, рождённых в эту ночь. "Блажен, кто возмёт и разобьёт младенцев твоих о камни!" (Псалом 136:9). Близкие и пребывающие в законе готовятся разбить голову своим младенцам, далёкие идут поклониться младенцу Богу. Зороастрийские маги ждали своего "спасителя" — Саошьянта, и поклонялись огню. Но они сделали в решающий момент важнейший выбор: они поверили в истинного Спаса миру, предлочили огню сияние Пресущественного Света. Есть мудрость тех, кто далеко от закона, от истинной Веры, но кто ждёт — по-настоящему, упрямо, огненно — истины и приходит час, когда ему надо собраться в путь.

Русские волхвы собирают свои дары — здесь и сейчас, чтобы прийти к благословенной точке в благословенный миг.

Путь волхвов — это путь России, русского народа, народа, который всё время ждёт. Ждёт спокойно, урюмо, настырно, сосредоточенно, ждёт даже тогда, когда нечего ждать, когда ждать глупо и бессмысленно, когда надо срываться и бросать всё это дело... А он ждёт. Веками, кругами, бесконечно тянущимся нашим временем. Но придёт миг, когда на Востоке (обратите внимание: на Востоке — не на Западе, на Запад пал сатана, оттуда идёт лишь электрическое мерцание блуждающих болотных огней святого Эльма) зажётся звезда. Звезда как знак русским волхвам, как исполнение русских ожиданий. Это значит, нам пора собраться в путь.

Куда? — В Вифлеем, в Вифлеемский вертеп. Когда? — "Днесь", "сегодня", "сейчас". И что же мы можем принести? — Золото явно надо искать где-то ещё, да и священные благоговения в последние века нашей истории мы заменили какими-то другими вещами и субстанциями, другими запахами и смесями — от нас пахнет не ладаном, но нефтью, часто перегаром или — что ещё противнее — дезодорантом или лосьоном. Но всё-таки у каждого есть своя лепта, своё крохотное сокровище. У русского человека ещё осталось сердце. Его-то и следует отдать. Чтобы больше его не было. Отдать новорожденному Христу, Богу нашему, и жить дальше без сердца, пусть оно будет лучше в Его крохотных младенческих ладошках.

Теперь о русской звезде. Звезда — светлая точка в ночи, отверстие в черноте свода. Маленький сгусток живого света. Это и есть наше сердце. "Волсы со звездой путешествуют" — это мы идём, ведомые светом русского сердца — одного из всех, которое мы и отдадим, принесём в дар. Тут может сложиться впечатление, что это будет когда-то потом. Но в том-то и дело, что персидские маги, ожидая, что спасение придёт "когда-то потом" по их огнепоклонническим представлениям, в один момент понимают, что "завтра" наступило, что будущее теперь настоящее, что оно сбылось. И тогда звезда сердца вспыхивает на чёрном небосклоне, и они пускаются в путь. Их задача (наша задача) — прибыть на место вовремя. То есть ровно в полночь 7 января 2022 года.

И вот конец кондака — "нас ради родился отроча младо Превечный Бог". Бог рождается ради нас. Не Сам по Себе, не из-за Себя. Из-за нас. И снова не из-за каких-то абстрактных "нас", ради русских. Конечно, не только ради русских, русских всех. Но для нас все — это русские. Это — конкретные все, а не абстрактные. Пусть никто не обижается, а сам лучше идёт в Вифлеем, путешествует со звездой и славит Рождество Христово. Там мы и встретимся, но только "там", когда это там полностью станет "здесь", когда мы преобразимся в рождественском времени и рождественском пространстве. Тогда-то и зазвучат слова Евангелия на всех языках. Это будет перевод с нашего языка — если наш язык по-настоящему христианский и православный, если мы сами — народ Христа, а наша страна — удел Пресвятой Девы.

"Нас ради" не может вместиться, это слишком. Но в Рождестве Христове всё слишком — Пресущественный рожаётся, Неприкосновенный оказывается в простых яслях, высшие небесные духи встают в один ряд с пастухами, Дева рождает и кормит повитого пеленами младенца, который — "отроча младо" — Превечный Бог. Всё невероятно, всё волшебное, всё за горизонтом здравого ума. У Достоевского в одном из писем есть тема, которая позже повторилась в "Братьях Карамазовых": "Если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной". О таких математических доказательствах мы слышали, и почти все из нас повторили их почти век. Если истина против Христа и чуда Его Рождества, то плевать на истину. Грош цена такой истине, это, одним словом, не русская истина. Русская истина — это спорная истина, истина того, чего не может быть, но есть. Более того, единственно, что есть.

Быть на стороне Рождества Христова в миг Рождества Христова: вот выбор, который делает / сделал / сделает русский народ. Иначе его не только не будет, но его нет и не было никогда. Русские против истины, если истина нерождественская, не Христова. И даже русские без Христа — не русские, как какие-то "левые", какие-то не пойми кто...

С Рождеством Христовым! Ибо "нас ради родился отроча младо Превечный Бог".

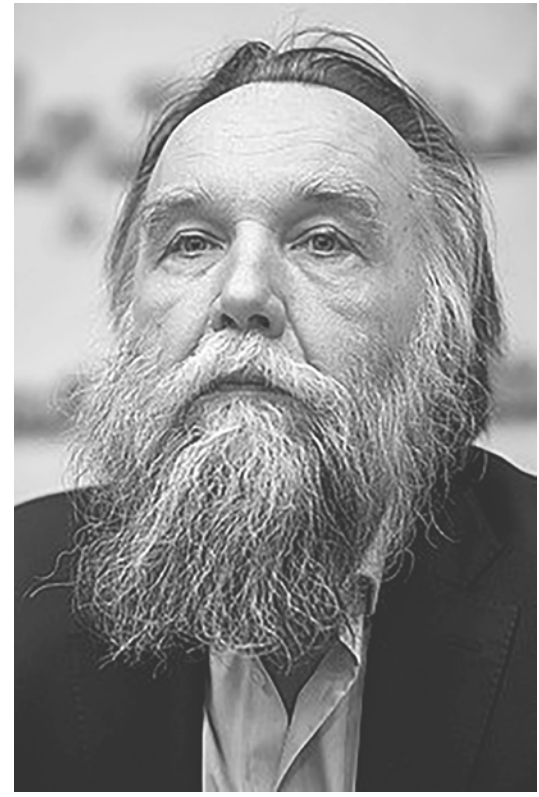
\* Написание и произношение слова **"Рождество"** разнится в древнерусской и современной традициях. Как отмечает иерей Иоанн Севастьянов, настоятель старообрядческого храма в г. Ростове-на-Дону: **"Рождество"** — церковно-славянская традиция написания этого слова. Среди старообрядцев есть определённая тенденция сохранять именно такую транскрипцию.

Иллюстрация: Рождество Христово. Андрей Рублев, 1410-е

**В ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА**, 7 января 2022 года, исполнится 60 лет Александру Гельевичу Дугину. Цифра юбилея представляется невероятной на фоне колоссального количества и, что ещё важнее, качества его книг, статей, лекций, выступлений за последние три десятка лет. Что можно сказать о крупной дате и о самом юбиляре — без лести и без впадения в банальности — мне как представителю следующего поколения, родившегося при Горбачёве, как ровеснику детей Александра Гельевича, знающему о временах "южинского кружка", перестроечных инициатив общества "Память" и первых лет "Арктогеи" только со слов старших?

Главное, что я усвоил за десять лет эпизодического общения с Александром Дугиным: в первую очередь, он настоящий философ по призванию и типу мышления. Да, он также и поэт, автор песен, он международно признанный специалист в политике и геополитике, чьи прозрения и прогнозы часто блестяще оправдываются. Но всё это — лишь производные от корня его мышления, которое является подчёркнуто философским. Дугин — философ par excellence, точно так же как один из его учителей, Евгений Всеволодович Головин, был по-этом par excellence.

Александр Гельевич — один из очень немногих в современную эпоху в России и мире людей, чья мысль глубоко самостоятельна с самых первых её шагов. Ещё в начале 80-х годов он записал свои первые философские озарения, вошедшие в доселе неопубликованную рукопись "Тамплиеры Иного", выдержки



# УЧИТЕЛЬ МЫСЛИ

*К 60-летию Александра Дугина*

из которой, впрочем, в последние годы стали известны. И эти фундаментальные прозрения о структуре космоса и человека (сознущиеся откровениям Юрия Витальевича Мамлеева, но вполне самостоятельные в своём истоке), о невозможной и неизбежной миссии в ней Ради-кального Субъекта до сих пор лежат в основе всех его дальнейших сложных построений.

С тех пор Александр Дугин приобрёл колоссальную эрудицию в истории мировой философии, досконально освоил глубины Гегенга и Хайдеггера, Шеллинга и Брентано, Платона и Аристотеля, Порфирия и Эриугены. Но весь грандиозный аппарат этих великих мыслителей лишь позволил развить до конца тот потенциал, которым Александр Гельевич внутри себя глубоко владел уже в молодости. Последние десятилетия для него стали временем постоянного освоения богатства мировой философии и постижения её там, где подчас советские и российские исследователи в упор не видели ничего либо понимали (того же Хайдеггера) совершенно поверхностно и неадекватно. Что вообще могли знать эти оторванные от земли и неба интеллигенты о пути философа, у которого, по словам Дугина, в душе всегда идёт война?

Долгое время, правда, личный путь Дугина как мыслителя пролегал независимо и отчасти параллельно магистральной линии русской классической философии XIX–XX веков, но уже, начиная со знакомства с трудами евразийцев и с цикла передач "Finis Mundi", в 90-е годы эти две линии начали сближаться, и в трудах последних лет сегодняшний юбиляр в большой мере раскрыл значимость русских мыслителей (как квазифилософов, так и немногих настоящих философов, без кавычек, таких как о. Павел Флоренский) и сроднил их с собственным пониманием античной, европейской и азиатской философии. В этой связи исключительно важное значение приобрела статья Дугина "Софиология как идея новых революционных элит" и особенно последняя книга 28-томной "Ноомахии" о Русском Логосе — "Образы русской мысли. Солнечный царь, близ Софии и Русь подземная". Софиология, евразийство, геополитика, классический традиционализм, платонизм и феноменология встретились и сливались в чаемом синтезе, который стал энтелехией предыдущих столетий развития русской мысли.

Рокowym изъяном гуманитарной мысли в России долгое время была беспечность русофобов-западников, с одной стороны, и глухая оторванность патриотов-славянофилов от международного контекста и зарубежной мысли, с другой стороны. Обе эти черты в 90-е годы принимали особенно уродливые формы. На этом фоне миссии Александра Дугина стал взрыв и слом этой противостественной перерогорки между всемирным, универсальным горизонтом философской мысли и острым, яростным, пламенным русским патриотизмом, с приоритетным вниманием к этносоциологии русского народа, этносов России, к русской структуре мысли, воплотившийся в его проекте "Русская вещь", в той же грандиозной "Ноомахии" и в иных трудах. На сегодня можно с уверенностью сказать: задача, которую поэт Вячеслав Иванов определял как сочетание "родного и вселенского" (и с которой вряд ли вполне успешно справился он сам), весьма убедительно решена Александром Дугиным. Его мысль очень русская — и в то же время всемирная, что стало причиной его известности и популярности даже в самых далёких странах.

Русская — значит и евразийская. Здесь ещё один камень преткновения и соблазна для слабых духом, не решающихся выговорить судьбы исторической России как Внутренней Евразии, Северной Евразии — и Евразии как континента в широком смысле слова. Безусловно, евразийство имеет прочные истоки в русской мысли. Оно присутствовало уже у Константина Леонтьева и Владимира Ламанского и приобрело классическую форму сто лет назад в эмигрантском кругу Трубецкого, Савицкого, Карсавина. Однако следует помнить, что к моменту распада Советского Союза от евразийства оставались лишь тексты его основоположников и воспоминания. Живое евразийство отсутствовало: несколько личных учеников Льва Гумилёва не претендовали и не могли претендовать на формирование политического движения. Бремя серьёзной идейной перестройки евразийства в соответствии с требованиями новой эпохи конца XX века, его организационной оформлением, прочной постановкой евразийской геополитики на платформе зарубежной геополитической классики континентальной мысли легло на Александра Дугина. В считанные годы после катастрофы 1991 года он смог не просто учредить партию и затем общественное движение, но буквально навязать свою повестку (пусть в куцем виде) лидерам стран СНГ и завести влиятельных союзников в странах Европы (а теперь и других частей света).

Ещё через несколько лет на свет появились Международное Евразийское Движение и Евразийский Союз Молодёжи. С тех пор прошло почти два десятилетия, канули в Лету дюжины молодёжных и иных общественных организаций, несмотря на вливания в них со стороны властей — а МЕД и ЕСМ даже при полном отсутствии заказа сверху и финансирования жили и укрепились, их представители закалились в огне Сирии и Донбаса. Итог усилиям Александра Гельевича в этом направлении по достоинству подвёл Госдепартамент США своим введением в 2014 году санкций против никогда не занимавшего никаких государственных постов философа и нескольких молодых людей без связей и влияния, подчас затерянных в глухих обителях. Именно их, а не официозных чиновников и политологов, в Вашингтоне справедливо посчитали главной угрозой

атлантистской гегемонии на планете. Именно Александра Дугина публично признали в качестве статусно равного себе и крайне опасного оппонента и покойный Збигнев Бжезинский, и Джордж Сорос, и Бернар-Анри Леви, в то время как собственных холуёв они глубоко презирают и не считают с ними.

Явное всемирное признание Дугина и Евразийского движения вызвало зависть и приступы истерики у целого ряда деятелей в самой России, тщетно мечтавших о таком признании для себя. Этот реваншизм преследует Александра Гельевича все последние десятилетия, но собаки лают, а караван идёт. И всё-таки было бы неправильно сводить мотивы его недоброжелателей только к реваншизму на личной почве. Есть ещё одна причина, более объективная и даже более прискорбная: нежелание и страх мыслить, столь распространённый среди отечественных интеллигентов.

Когда мы говорим о причинах робости, трусости мысли абсолютного большинства российских (да и зарубежных) претендентов на редкое звание философа, то, в первую очередь, они коренятся в политических вопросах. Многие маститые академические специалисты по философии попросту боятся сказать что-либо неполиткорректное, идущее вразрез с либеральным консенсусом. Самоцензура напроць парализует мышление в самом его зачатке, превращает речи подобных деятелей в бессмысленное нечленораздельное мычание. В этом плане Александр Дугин — редкий ныне пример полностью независимого, свободного полёта мысли, не останавливающегося ни перед какими выводами. Один из таких выводов — неизбежная интегральность любой философской системы, которая просто обязана влечь за собой вполне конкретные прикладные выводы применительно к социально-экономическим вопросам, социологии и праву и, конечно же, к политике и геополитике. Основопологающая роль геополитики регулярно отрицалась либералами и марксистами, расистами и националистами, религиозными фундаменталистами, но снова и снова на международной арене она подтверждается с исключительной убедительностью. На место идеологических химер геополитика в её дугинской интерпретации ставит анализ предельно точных и конкретных сил на международной арене, их расстановки и соотношения.

Чеканные формулировки Четвёртой политической теории завершают снос идеологического хлама в смысле "ложного сознания", засорявшего политическую мысль долгое время. За пределами навязшей в зубах риторики позарешлого века о "правах" и "левых" неоевразийство, основанное Александром Гельевичем, предлагает нестандартный вертикальный выход за пределы плоских политических координат.

Вот почему, если в девяностые годы речи Александра Дугина о евразийской интеграции и противостоянии атлантизму, о многополярном мире были объявлены маргинальными, то теперь они прочно вошли в господствующее мнение, стали чем-то само собой разумеющимся у всех аналитиков, письменно зафиксированы в основах оборонной и внешней политики России, в словах Президента.

В наши дни неизбежно встаёт проблема восприятия необойтнотного наследия Александра Гельевича, которое продолжает пополняться буквально с каждым днём. Как судить о нём людям, которые не могут прочитать его семь десятков книг или прослушать тысячи часов лекций? Парадоксально, но факт: в определённой мере мы возвращаемся к античной ситуации, когда учения философов знали по личным рассказам очевидцев, соратников, учеников, когда их изречения спешили записать со слов. Мне кажется, что устная речь и живые беседы с Александром Гельевичем скажут о нём гораздо больше, чем содержится в книгах, — о не-обходимом "скелете", остающемся после таких разговоров и речей. Пожалуй, проблема многих, кто до сих пор не желает понять и оценить по достоинству роль Дугина, отчасти связана с тем, что они судят по отдельным страницам, слепо не желая прислушаться к живому голосу философа. Подчас такие люди могут в упор не видеть в его словах то двойной иронический смысл, а то и тройной — когда за вроде бы саркастическими образами скрывается ещё один слой предельной серьёзности.

В жизни страны, как и в жизни философа, не бывает ничего случайного. Дата рождения Александра Дугина совпадает с зимними "вратами года", о которых писал Рене Генон, скончавшийся в тот самый день, 7 января, одиннадцатую годовщину. На летние "врата года", между прочим, приходилась дата рождения одного из соратников Александра Гельевича. Космические ритмы явственно проявились на уровне человеческих судеб.

Сегодня, в день циклической полноты числа "60", самое время поразмыслить об этом. Если всё больше людей (особенно русских людей) начнут мыслить самостоятельно, без искусственных ограничителей, то это будет наилучшей данью уважения тому философу, который уже несколько десятилетий с редким самоотречением учит нас не подражать ему буквально (копирование невозможно и бессмысленно), но под влиянием импульса с его стороны разбудить в себе самих собственную мысль, которая одна только и способна произвести чаемый онтологический переворот, универсальную метафизическую (отнюдь не только политическую) Консервативную Революцию. А если от факела ума одного зажгутся собственные факелы тысяч и миллионов других, то будет лучшей наградой юбиляру за его многолетние труды. С днём рождения, уважаемый Александр Гельевич!

**Максим МЕДОВАРОВ**